

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПЕНСИОННЫЙ КАПИТАЛ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ***Максим Александрович БУНДИН**

исследователь Аналитического центра финансовых исследований,
 Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации,
 Москва, Российская Федерация
 bundin@nifi.ru

История статьи:

Получена 01.11.2017
 Получена в доработанном
 виде 01.12.2017
 Одобрена 04.12.2017
 Доступна онлайн 14.12.2017

УДК 368.04

JEL: H50, H55, J11

Ключевые слова:

индивидуальный
 пенсионный капитал,
 макроэкономика,
 демография, прогноз,
 заработная плата

Аннотация

Тема. Пенсионная система Российской Федерации. Рассматривается принятие концепции индивидуального пенсионного капитала (ИПК) как альтернативы существующей системы негосударственного пенсионного накопления.

Цели. Анализ внедрения названной концепции.

Задачи. Проанализировать сильные и слабые стороны концепции ИПК. Рассмотреть позиции саморегулируемых организаций негосударственных пенсионных фондов (НПФ) НАПФ и АНПФ. Обосновать уместность внедрения концепции ИПК с учетом развивающихся социально-демографических и экономических тенденций. Оценить приблизительную величину взносов в систему ИПК, исходя из допущений о численности участников указанной системы, а также размера номинальной начисленной заработной платы участников.

Методология. Использованы анализ научной информационной базы по рассматриваемой тематике, корреляционно-регрессионный анализ.

Результаты. Расчеты позволили подтвердить предположение о зависимости между расширением в структуре населения группы граждан нетрудоспособного возраста и ростом цен на потребительском рынке, а также определить риски предлагаемой концепции и оценить размеры отчислений в систему ИПК при условии 30 и 50% охвата работников.

Выводы. Основные внутренние риски предлагаемой пенсионной реформы включают в себя: массовый отказ от участия в новой системе; снижение тарифов отчислений в фонды до 0,1%; высокий уровень издержек фондов, связанный с финансированием деятельности администратора пенсионных платежей; повышение вероятности махинаций, направленных на вывод участниками сформированных пенсионных накоплений под предлогом наступления чрезвычайных обстоятельств.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2017

Для цитирования: Бундин М.А. Индивидуальный пенсионный капитал: перспективы внедрения // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2017. – Т. 10, № 12. – С. 1424 – 1440.
<https://doi.org/10.24891/fa.10.12.1424>

Введение

Индивидуальное пенсионное сбережение в России становится все более актуальным социально-экономическим явлением и занимает первые строчки политической повестки дня. Переход от модели потребления к модели

сбережения обоснован устойчивым сокращением реальных доходов населения.

Сейчас уже всем ясно, что требуется реформирование не только существующей системы оплаты труда, но и пенсионной системы России в целом.

* Статья выполнена в рамках реализации Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р, в части проведения научно-исследовательских работ по теме «Анализ международного опыта использования правовых и организационных механизмов для вовлечения населения в квазиобязательные пенсионные планы».

Министерство финансов РФ в 2016 г. объявило о начале совместной (с Банком России) разработки концепции индивидуального пенсионного капитала (ИПК) для гарантирования социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения и стимулирования развития негосударственных пенсионных фондов (НПФ) как институциональных инвесторов.

В частности, продолжается рассмотрение возможности предоставления гражданам права самостоятельно формировать дополнительный пенсионный доход за счет добровольных взносов. Наиболее серьезным барьером для данной системы, как отмечает Н.С. Шмиголь в работе [1], видится низкий уровень мотивации граждан участвовать в ней, что вызвано экономическими, демографическими и иными факторами современного общества. Предлагаемые концепцией меры нейтрализации риска слабой мотивации населения на участие в системе ИПК не являются достаточными.

Доверие населения к реформам

Российскому экспертному сообществу до сих пор не удалось достичь консенсуса в вопросе массового привлечения населения в программы индивидуального пенсионного накопления. С одной стороны, вряд ли можно поспорить с тем, что ни для кого из граждан источник формирования дополнительных сбережений не лишний. С другой стороны, доверие населения к проводимым реформам денежных властей остается очень слабым¹.

Если с момента вступления в силу Федерального закона № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» население 13 лет агитировали участвовать в обязательном пенсионном страховании, а спустя столько лет говорят, что данный путь был ошибочным и нужно присоединяться к ИПК, доверие к такой системе в обозримом будущем ставится под вопрос. Кроме того, любая реформа должна иметь качественно или количественно измеряемую цель.

Внедрение пенсионного капитала может быть обосновано достижением определенного значения коэффициента замещения трудовой пенсией утраченного (застрахованного) заработка (дохода). Например, минимальное нормативное значение данного коэффициента установлено Международной организацией труда (МОТ) на уровне 40%.

По оценке Росстата, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сентябре 2017 г. составила 37 520 руб.², в то же время средний размер назначенных пенсий – всего 12 911 руб., что на 6% ниже названного норматива.

¹ Да и сами доходы сокращаются не первый год.

² Социально-экономическое положение России – 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_01/Main.htm

Аналогичное замечание о несоответствии коэффициента замещения в России минимальному нормативу МОТ приведено И.Ю. Орловой в работе [2]. До нынешнего момента цель не была сформулирована, в связи с чем по прошествии определенного времени невозможно будет оценить степень социально-экономической результативности предлагаемых преобразований.

О низком доверии к реформам свидетельствуют и последние актуальные данные опросов ВЦИОМ за июль 2017 г.³: доля респондентов, негативно оценивающих проводимую властями экономическую политику, составила 40% от числа опрошенных; социальную политику негативно оценили 43% (максимальное значение за весь период исследований с 2007 г.).

Наряду с этим рост реальных доходов населения (2-3%, по данным доклада Росстата «Социально-экономическое положение России») не покрывает даже официально публикуемую инфляцию (в сентябре она снизилась до 3% в годовом выражении против 3,3% месяцем ранее⁴), однако само население оценивает рост цен в 10–11%⁵.

Все это обуславливает необходимость мер, направленных на компенсацию потерь, которые граждане понесли в результате «заморозки» накопительной части пенсий (мораторий действует с 2014 г.), а также на стимулирование формирования пенсионных сбережений.

Попытка сохранить накопительную часть пенсий

Создание ИПК есть не что иное, как попытка сохранить накопительную часть пенсий населения, но у последней имеется один решительно важный недостаток, названный Н.И. Куликова и Е.С. Вдовиной в работе [3]: отсутствие не только гарантий доходности вложенных средств, но и сохранности в НПФ накоплений граждан.

К рассмотрению пенсионных накоплений С. Онгена и А. Залевска подошли с другого ракурса, выделив две ключевые проблемы

³ Оценка властей. URL: https://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej

⁴ Социально-экономическое положение России – 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_01/Main.htm

⁵ Инфляционные ожидания и потребительские настроения населения. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/2525/Infl_exp_17-10.pdf

достойной пенсии по старости: люди не могут накопить достаточно средств за период трудовой активности, рентабельность взносов в пенсионные планы крайне мала [4].

Коллектив авторов статьи [5], рассматривая риски инвестиционных портфелей пенсионных фондов, приравнивают нацеленность на получение высокого уровня доходности (за счет инвестирования пенсионных средств в высокорисковые активы) к политике причинения морального ущерба участникам таких программ.

Обобщая мнения по данному вопросу на примере российской практики с присущими ей особенностями, коллектив авторов работы [6] отмечает, что допуск частного бизнеса на рынок пенсионных услуг повышает риски ненадлежащего использования пенсионных активов (в том числе угрозу мошеннических действий), в связи с чем требуется ужесточение системы государственного надзора за деятельностью частных пенсионных фондов и управляющих компаний.

Концепция ИПК предусматривает снижение указанных рисков путем создания Центрального администратора, основными функциями которого обозначены:

- распределение работников между НПФ посредством автоматической регистрации⁶;
- информирование фондов о новых работниках для ведения счетов;
- сообщение работодателям о ставках взносов, выбранных участниками ИПК;
- сбор взносов и контроль за переходами участников ИПК между фондами.

Как отмечают сами учреждения, управляющие пенсионными накоплениями граждан, названная попытка может не увенчаться успехом. На НПФ будут возложены дополнительные издержки, связанные с созданием и финансированием нового надзорного органа, которые не смогут быть компенсированы доходами от инвестирования привлеченных средств граждан без потерь для последних.

В вопросе дополнительных расходов для работодателей это означает то же самое, что и для НПФ, а для застрахованного лица –

⁶ ЦБ отказался от автоподписки на пенсионный капитал. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/59b09a619a79479e6a1a661e>

получение незначительных накоплений при выходе на пенсию, ради которых нет необходимости отчислять часть ежемесячного дохода, необходимого для обеспечения текущих расходов⁷.

Аспект негативного влияния на граждан сокращения пенсионного дохода, а также возможного увеличения пенсионного возраста и неопределенности экономической ситуации в стране конструктивно проанализирован в труде коллектива голландских ученых [7]. В.А. Бурденко и В.Г. Павлюченко, изучив данные о структуре заработной платы в России (процент сокрытия от уплаты страховых взносов), ее динамику, а также сведения о численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, в работе [8] пришли к выводу, что условия для широкого охвата населения программами добровольного пенсионного страхования в настоящее время неудовлетворительны.

По концепции с учетом последовательности увеличения тарифа пенсионных взносов в ИПК с 0% в первом году запуска до 6%, начиная с седьмого года функционирования системы, наиболее вероятным сценарием станет массовый отказ от участия, начиная со второго года запуска системы.

Данное нововведение (говоря о концепции ИПК в целом) рассчитано на группы населения с доходом выше среднего, уровень которого позволяет ежемесячно формировать сбережения. Доходы и потребности, как известно, находятся в прямой зависимости: чем выше доходы, тем шире потребности, а значит, и выше спрос на кредитные продукты.

Специалисты Банка России М. Мамедли и А. Синяков⁸, напротив, считают, что большей склонностью к увеличению долговой нагрузки характеризуются граждане с более низкими доходами, поскольку высокие процентные ставки по кредиту являются для них меньшим ограничением, чем для групп граждан со средним и более высоким уровнем доходов.

⁷ По данным фокус-групп, организованных Научно-исследовательским финансовым институтом Минфина России 20.03.2017, 30.03.2017 и 01.06.2017.

⁸ Мамедли М., Синяков А. Потребительское кредитование в России: перспективы и риски на основе исследований финансов домашних хозяйств / Аналитическая записка департамента исследований и прогнозирования Банка России. Сентябрь 2017. 24 с.

Один из экспертов обсуждения концепции ИПК привел пример из личной практики работы в компании (название которой предпочел не раскрывать): 48–62% работников, причисляемых по уровню доходов к среднему классу, участвуют в ипотечном кредитовании. Соответственно, расходы на погашение долговых обязательств, как правило, занимают существенную часть ежемесячного бюджета⁹.

Таким образом, определенные тарифы взносов могут быть неэффективными для некоторых работников, в частности тех, кому приходится обращаться за кредитными продуктами, или тех, кому приходится смещать приоритеты с образования детей и крупных покупок на обязательное инвестирование в будущие пенсии¹⁰. Все это обуславливает важность учета фактора уровня жизни потенциальных участников программ негосударственного пенсионного обеспечения.

Внедрение ИПК означает курс на ухудшение условий ведения бизнеса НПФ, поскольку, с одной стороны, возникает дополнительная нагрузка на фонды, а с другой – снижается мотивация населения к добровольному участию в системе негосударственного пенсионного обеспечения.

В статье [9] Е.С. Лавренова и О.С. Беломытцева в подтверждение ограничительного влияния на условия ведения бизнеса текущей пенсионной реформы и изменений законодательства, в частности касающихся структуры инвестиционных портфелей, отмечают снижение роли НПФ на рынке пенсионных накоплений. Вместо того, чтобы развивать рынок негосударственных пенсионных фондов, который теоретически способен снять часть нагрузки на государственный бюджет, делаются шаги по ограничению этого рынка, способствующие развитию обратного эффекта.

Не исключено, что внедрение концепции ИПК в систему негосударственного пенсионного обеспечения повлечет за собой значительное сокращение количества небольших фондов (сейчас общее количество НПФ – 69, в то время как в начале 2016 г. их было 98¹¹) из-за

⁹ По данным фокус-групп, организованных Научно-исследовательским финансовым институтом Минфина России, от 20.03.2017 г., 30.03.2017 г. и 01.06.2017.

¹⁰ Однако считается, что эту проблему можно преодолеть с помощью определения разной доли взносов для различных возрастных групп.

уменьшения размеров выплат участникам накопительных программ и застрахованным лицам и их последующим переходом в более крупные фонды.

Отмена индексации пенсий работающих пенсионеров и ее последующая замена на единовременную выплату в 2016 г. была следствием неподготовленности российской экономики к внешним шокам и фактором увеличения недоверия населения к пенсионной системе. Изначально предполагалось ежегодно индексировать пенсии на размер инфляции, но из-за ее высоких темпов в 2015–2016 гг. в декабре 2015 г. был принят Федеральный закон № 385 «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий».

Также одним из главных рисков для фондов является предусмотренная концепцией ИПК для участников возможность самостоятельно выбирать тариф отчислений (от 0,1 до 6%) в НПФ и досрочно изымать средства при наступлении чрезвычайных обстоятельств.

В первом случае опасность для системы ИПК заключается в генерировании фондом недостаточного денежного потока ввиду высоковероятной тенденции среди участников устанавливать ставку, равную 0,1%, что рассматривается Д.О. Пудовой в работе [10].

Во втором случае возникают вопросы о перечне чрезвычайных обстоятельств, способах их подтверждения и времени рассмотрения подтверждающих фактов. Какие документы гражданин должен предоставить в НПФ, если бумажное заключение ВТЭК уже не используется?

Чтобы реализовать возможность досрочного расторжения пенсионного договора для получения части выкупной суммы в связи с форс-мажорными обстоятельствами, придется решать вопрос подключения всех НПФ к единой системе межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Иначе НПФ не сможет получать документы, подтверждающие обстоятельства.

¹¹ Субъекты рынка коллективных инвестиций.
URL: https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll

Реестр документов, подтверждающих тяжелую жизненную ситуацию, необходимо проанализировать: установить, какие из документов существуют, есть ли к ним доступ, как подтверждаются права досрочного изъятия и каким образом коммерческая структура может получить эти сведения. Банки этот вопрос частично решили, наладив взаимодействие по СМЭВ с паспортной службой.

Практика махинаций, связанных с получением средств материнского капитала с использованием подложных документов, невольно наводит на мысль о высокой вероятности возникновения данного риска в отношении индивидуального пенсионного капитала.

Подведем промежуточные итоги первой части данной работы. Основные внутренние риски предлагаемой пенсионной реформы включают в себя:

- массовый отказ от участия в новой системе;
- снижение тарифов отчислений в фонды (среди оставшихся участников) до 0,1%;
- высокий уровень издержек фондов, связанный с финансированием деятельности администратора пенсионных платежей;
- повышение вероятности махинаций, направленных на вывод участниками сформированных пенсионных накоплений под предлогом наступления чрезвычайных обстоятельств.

Экономико-демографические тенденции России

Перейдем к рассмотрению некоторых внешних рисков проведения пенсионной реформы и более подробно проанализируем текущие экономико-демографические условия, а также дадим оценку их изменению в перспективе.

Численность пенсионеров в России стремительно растет без замещения равноценным количеством трудоспособных граждан. Коллектив авторов работы [11] отмечает, что с 1950 г. по 2010 г. численность российских граждан в возрасте старше 60 лет выросла более чем вдвое, в то время как численность людей старше 80 лет – впятеро (с 0,6 до 2,9%).

Помимо роста нагрузки на бюджет, связанной с увеличением пенсионных обязательств и

социальных выплат, для экономики в целом это может обернуться замедлением ее роста и ускорением инфляции на потребительском рынке.

Первая из обозначенных проблем частично может быть решена законодательным увеличением возраста выхода граждан на пенсию (до 63 лет для женщин и до 65 – для мужчин), о чем уже долго ведутся активные дискуссии.

Некоторые эксперты, рассматривая данный вопрос, апеллируют к заинтересованности работников в как можно более долгосрочном накоплении средств¹² на пенсионных счетах в ПФР и НПФ, а также самостоятельных сбережений.

Другие участники дискуссий, выступающие против, отмечают важность своевременного освобождения рабочих мест для продвижения экономически активной молодежи¹³.

Наиболее неоспоримым из существующих контраргументов представляется краткосрочный характер положительного эффекта данной меры для обеспечения сбалансированности федерального бюджета¹⁴.

А теперь рассмотрим взаимосвязь динамики демографических показателей с ростом цен.

По данным переписи населения 2015 г., в России наметилось снижение численности граждан, находящихся в трудоспособном возрасте: в 2015 г. она сократилась до 64,1% от общей численности населения против 64,8% в 2010 г. Наряду с этим сократилась и доля населения в возрасте до 20 лет и составила 22,4% против 22,7%. Данные тенденции свидетельствуют о развивающихся процессах старения населения, динамика которых представлена на *рис. 1*.

Возрастная группировка населения, используемая в данной работе, составлена с учетом

¹² Виноградова Е., Оверченко М. Чем старение населения может быть полезно для мировой экономики. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/31/662956-starenie-naseleniya-mozhet-bit-polezno>

¹³ Москалькова выступила против повышения пенсионного возраста. URL: <https://www.pnp.ru/economics/moskalkova-vystupila-protiv-povysheniya-pensionnogo-vozrasta.html>

¹⁴ Петрова Е. Пенсия может подождать. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/06/05/10708349.shtml#page1>

предположения о повышении пенсионного возраста в ближайшей перспективе.

Самая многочисленная и экономически активная группа населения в возрасте от 21 до 64 лет сокращается после долгого увеличения с 2002 г. по 2010 г. и к 2035 г. может приблизиться к отметке в 45,6%.

Более подробные, полученные путем трендового анализа ежегодные изменения структуры занятости за рассматриваемый период (составленные с учетом данных переписей населения, ежегодной демографической статистики Росстата, а также официального демографического прогноза на 2018–2035 гг.) представлены на *рис. 2*.

В 2018 г. доля пенсионеров в общей численности населения может возрасти до 14,3% и, ежегодно прибавляя по 0,3–0,4%, в 2035 г. может составить 22,2%. Информация бюллетеня Организации объединенных наций *World Population Prospects 2017*¹⁵ также свидетельствует о сокращении данной группы населения в долгосрочной перспективе (здесь стоит отметить, что возрастная структура в указанной работе сгруппирована несколько иначе: наиболее экономически активная часть населения охватывает граждан в возрасте от 15 до 64 лет). Каких последствий для российской экономики можно ожидать под воздействием стремительных темпов старения населения?

В марте 2016 г. специалисты Международного валютного фонда М. Юселиус и Э. Такатс опубликовали статью с результатами исследования влияния возрастной структуры населения на динамику потребительской инфляции в 22 странах с развитой экономикой¹⁶. Был сделан вывод: расширение групп населения пожилого возраста (старше 65 лет) и частично трудоспособного (15–29 лет) способствует ускорению инфляции, в то время как увеличение доли наиболее производительной группы граждан в возрасте от 30 до 64 лет оказывает обратное влияние на рост цен.

Банк международных расчетов в августе 2017 г. в докладе *Demographic Will Reverse Three Multi-Decade Global Trends* описал влияние изменения демографической

¹⁵ *World Population Prospects 2017*. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Graphs/DemographicProfiles>

¹⁶ *Юселиус М., Такатс Э.* Возраст и инфляция // *Финансы и развитие*. 2016. Вып. 53. № 1. С. 12–16.

ситуации на инфляцию и процентные ставки. Доля трудоспособного населения и в развитых, и в развивающихся странах снижается, доля «иждивенцев» – детей и людей пенсионного возраста – растет (за счет увеличения средней продолжительности жизни). Перевес не в пользу работников особенно болезненно проявится в развитых странах и в азиатской части России¹⁷.

Если предложение на рынке труда снижается, цена на рабочую силу растет¹⁸. Соответственно, компании в таких условиях вынуждены перекладывать возросшие издержки по оплате труда на цену производимой продукции и оказываемых услуг.

Рост цен в экономике замедляется под действием обратных тенденций, когда предложение на рынке труда, наоборот, растет и приоритетным направлением становится поддержание спроса на потребительском рынке путем снижения цен произведенных товаров и услуг.

Проверим данное предположение на примере российской статистики потребительских цен и численности наименее производительной части населения (*рис. 3*).

В интервале 2010–2017 гг. (оценка ИПЦ с учетом ожиданий: методологические и методические аспекты расчета представлены в работах М.А. Бундина и М.Ш. Марьясина [12–14]¹⁹) коэффициент корреляции между двумя рассматриваемыми рядами данных составляет 0,6. Это свидетельствует о наличии достаточно сильной взаимосвязи показателей и позволяет судить о схожести их тенденций в перспективе.

После построения тривиальной регрессионной модели по методу наименьших квадратов с зависимой переменной (приростом индекса потребительских цен) и одной независимой переменной (приростом численности нетрудоспособных групп населения) были

¹⁷ *Ломская Т.* Пенсионеры разгоняют рост цен в глобальной экономике. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/08/14/729172-pensioneri-razgonyayut-tsen>

¹⁸ BIS Working Papers, no. 656. *Demographic Will Reverse Three Multi-Decade Global Trends*. August 2017. URL: <https://www.bis.org/publ/work656.pdf>

¹⁹ *Марьясин М.Ш.* Базовая инфляция в российской экономике (методологический аспект) // *Инфляция и экономический рост: теория и практика*. 2007. С. 107–118.

получены приблизительные оценки инфляции в перспективе на 18 лет (серая пунктирная линия).

Так, к 2020 г. инфляция может ускориться до 8,4%, в 2025 – до 9,6%, затем в 2030 – замедлиться до 8,2%, а в 2035 – до 7,6%. Данная оценка, пусть и приблизительная, дает возможность учесть инфляционный фактор в доходности пенсионных накоплений в системе ИПК. К этому аспекту мы обратимся в заключительной части работы.

Итак, ожидаются два негативных для российской экономики процесса во взаимной связи: рост числа нетрудоспособных граждан и ускорение инфляции на потребительском рынке. Изменение пенсионного законодательства в связи с внедрением ИПК в систему негосударственного пенсионного обеспечения на фоне складывающихся тенденций выглядит несвоевременной мерой.

В первые годы запуска ИПК еще одним фактором ускорения роста цен станет фактическое увеличение доходов населения за счет уменьшения тарифа взносов до 0,1%, как отмечалось ранее. Уже сейчас, согласно данным за II квартал 2017 г., объем пенсионных накоплений, потоки по которым формируются из взносов участников и доходов от управления, в целом по всем фондам сократился на 4,4 млн руб. (*рис. 4*).

В настоящее время отток средств из НПФ происходит естественным образом за счет выплат пенсий лицам, имеющим право на ее досрочное получение. В 2022 г. отток пенсионных накоплений значительно ускорится, когда НПФ начнут выплачивать пенсии гражданам 1967 года рождения, достигшим пенсионного возраста.

Отчисления в систему ИПК

Перейдем к заключительной и одновременно главной части данной работы и оценим отчисления в систему ИПК с учетом некоторых допущений, таких как примерная численность участников указанной системы, а также размер номинальной начисленной заработной платы.

Полученные оценки изменения структуры населения, представленные на *рис. 1, 2*, были использованы для расчета численности экономически активного населения (рабочей силы) в возрасте от 21 года до 64 лет (в состав данного показателя входят занятые и

безработные граждане). Для определения численности занятых был использован показатель Росстата – участие в рабочей силе; по итогам 2016 г. он составил 69,5%.

В данных за предыдущие годы, а именно за 2000–2016 гг., обнаружилась устойчивая тенденция к росту уровня участия в рабочей силе: подобранное уравнение тренда с достоверностью аппроксимации, равной 0,94, указывает на увеличение уровня участия в рабочей силе до 74,9% к 2035 г. (*рис. 5*).

Из полученных значений численности рабочей силы были исключены безработные, поскольку для расчета отчислений в систему ИПК необходимо оперировать данными о численности фактических работников, с зарплаты которых работодатель уплачивает социальные взносы в бюджет (*табл. 1*).

Второе допущение для оценки отчислений в ИПК – размер номинальной начисленной заработной платы. Для оценки данного показателя в перспективе до 2035 г. прибегнем к построению линейного тренда. В данном случае величина достоверности аппроксимации составила 0,993, что указывает на корректность используемого метода (*рис. 6*).

Проводя оценку отчислений в систему ИПК, нужно отталкиваться от наиболее вероятных сценариев, но сама возможность наступления одного из них напрямую зависит от указанных в работе условий: от окончательного решения по вопросам автоматической регистрации граждан в системе ИПК, вариативности ставок тарифа отчислений и других немаловажных обстоятельств.

Рассмотрим сценарии, базирующиеся на возможности работника отказаться от участия в системе ИПК, но не предусматривающие права на самостоятельное определение тарифа отчислений (тариф увеличивается ежегодно с 1 до 6%, начиная со второго года запуска системы)²⁰.

Наиболее вероятными сценариями участия в системе ИПК, учитывая релевантную статистику численности участников программ обязательного пенсионного страхования (ОПС) и негосударственного пенсионного

²⁰ Предполагается, что предоставленное работникам право самостоятельно определять тариф взносов в систему ИПК (концепция не предполагает фиксированного минимального значения тарифа) негативно скажется на последней из-за генерации малого денежного потока в фонды.

обеспечения (НПО) в фондах (примерно 40 млн чел., в том числе 34,4 млн застрахованных по договорам ОПС и 5,6 млн – по договорам НПО²¹) видятся сценарии с 30- и 50%-ного охвата.

Помимо этого анализ распределения уровней заработной платы по получателям с 2009 г. по III квартал 2017 г. позволяет судить о постоянстве данной структуры во времени (рис. 7). Такое предположение объясняется сопоставимым сокращением доли преобладающей группы получателей зарплаты размером менее 20 тыс. руб. с ростом показателя средней номинальной начисленной заработной платы (черная прерывистая линия). Суммарное сокращение доли указанной группы за рассматриваемый период составило 82,6%, в то время как номинальная зарплата выросла на 81,1%.

Таким образом, при условии постоянства структуры заработной платы (см. рис. 7) ежегодный денежный приток при 30%-ном уровне участия (13,8–18,2 млн чел.) в 2019 г. составит 111,75 млрд руб., в 2020 г. – 234,22 млрд руб., в 2025 г. – 829,7 млрд руб., в 2035 г. – 960,8 млрд руб.

При 50%-ном уровне участия (22,9–30,3 млн чел.) эти параметры составят: в 2019 г. – 186,25 млрд руб., в 2020 г. – 390,37 млрд руб., в 2025 г. – 1 382,84 млрд руб., в 2030 г. – 1 524,37 млрд руб., в 2035 г. – 1 601,33 млрд руб. Данные об ожидаемых ежегодных взносах в систему ИПК по заданным условиям представлены в табл. 2.

Возвращаясь к вопросу доходности пенсионных накоплений, хочется отметить значительную неопределенность фондового рынка. В статье Д.С. Смирнова²² справедливо отмечено, что это объясняется наличием взаимосвязи между мышлением участников фондового рынка и ситуацией, в которой они взаимодействуют.

Прогнозирование доходности от инвестирования средств пенсионных накоплений превращается в предугадывание поведения участников рынка. Это дополнительно усложняется разнообразием инструментов, составляющих структуру портфелей инвесторов, а также долгосрочным

характером инвестирования самих пенсионных накоплений, конструктивный анализ чего был изложен в работах Р. Кинга, Р. Левина, Р. Райана и Л. Зингалеса [15, 16].

За I полугодие 2017 г. простая средняя доходности от инвестирования средств пенсионных накоплений НПФ составила 7,97%²³, в то время как средняя доходности, взвешенная по величине активов фондов, – 6,3%. Если экономические показатели в долгосрочной перспективе с некоторой степенью уверенности еще поддаются прогнозированию, то попытки оценить среднюю доходность, которую фонды могут продемонстрировать в ближайшие 18 лет, вряд ли будут выглядеть убедительно.

Одно можно сказать точно: доходность от инвестирования пенсионных накоплений и размещения пенсионных резервов будет сопоставима с годовой инфляцией за соответствующий период. Это обусловлено структурой инвестиционных портфелей фондов – как правило, значительная часть это государственные облигации и банковские депозиты. Поэтому вопрос определения реальной доходности вложенных средств отдается на суд читателей.

Выводы

Данная работа выполнена для анализа сильных и слабых сторон очередной пенсионной реформы через призму демографических и экономических тенденций с учетом особенностей восприятия реформ российским обществом.

Проведенные расчеты позволили подтвердить предположение о зависимости между расширением в структуре населения группы граждан нетрудоспособного возраста и ростом цен на потребительском рынке, а также оценить размеры отчислений в систему ИПК при условии 30- и 50%-ного охвата работников.

Удалось выделить основные внутренние риски ИПК, среди которых – массовый отказ от участия в новой системе, снижение тарифов отчислений в фонды до 0,1%, а также высокий уровень издержек фондов, связанный с финансированием работы администратора пенсионных платежей.

²¹ Субъекты рынка коллективных инвестиций.

URL: https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll

²² Смирнов Д.С. Методы прогнозирования динамики фондового рынка и их ограничения // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2009. Т. 7. № 2 (ч. 3). С. 119–121.

²³ Субъекты рынка коллективных инвестиций.

URL: https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll

Не менее актуальным и требующим ответа участниками программ сформированных остается вопрос высокой вероятности пенсионных накоплений под предлогом махинаций, направленных на вывод наступления чрезвычайных обстоятельств.

Таблица 1

Динамика изменения численности рабочей силы в 2002–2035 гг.

Table 1

Changes in the labor force in 2002–2035

Год	Численность населения в возрасте от 21 года до 64 лет, тыс. чел.	Участие в рабочей силе, %	Численность рабочей силы, тыс. чел.	Численность безработных, тыс. чел.	Рабочая сила за исключением безработных, тыс. чел.
2002	87 428,9	65,1	56 916,2	7 700	49 216,2
2003	88 391,4	65,4	57 808	6 358,9	51 449,1
2004	89 042,3	65,8	58 589,8	5 859	52 730,9
2005	89 807,7	66,1	59 362,9	5 639,5	53 723,4
2006	90 502,4	66,4	60 093,6	5 408,4	54 685,2
2007	90 812,4	66,8	60 662,7	5 277,7	55 385
2008	91 375,2	67,1	61 312,8	5 303,6	56 009,2
2009	91 873,6	67,4	61 922,8	5 325,4	56 597,5
2010	92 565,6	67,7	62 666,9	5 544	57 122,9
2011	92 807	68	63 108,8	4 922	58 186,8
2012	92 858,4	68,4	63 515,1	4 131	59 384,1
2013	92 973,9	68,7	63 873,1	4 137	59 736,1
2014	94 200,6	69	64 998,4	3 889	61 109,4
2015	93 873,2	69,3	65 054,1	4 264	60 790,1
2016	93 494,9	69,6	65 072,5	4 300	60 772,5
2017	93 170	69,9	65 125,8	4 300	60 825,8
2018	92 489,4	70,2	64 927,6	4 155,4	60 772,2
2019	91 747,7	70,5	64 682,1	4 139,7	60 542,5
2020	90 676,4	70,8	64 198,9	4 108,7	60 090,2
2021	89 581,1	71,1	63 692,2	4 076,3	59 615,9
2022	88 091,9	71,4	62 897,6	4 025,4	58 872,2
2023	86 578,6	71,7	62 076,9	3 972,9	58 104
2024	84 820	72	61 070,4	3 908,5	57 161,9
2025	83 038,1	72,2	59 953,5	3 837	56 116,5
2026	81 308,9	72,5	58 948,9	3 772,7	55 176,2
2027	79 562,8	72,8	57 921,7	3 707	54 214,7
2028	77 804,7	73,1	56 875,2	3 640	53 235,2
2029	76 038,4	73,3	55 736,1	3 567,1	52 169
2030	74 265,5	73,6	54 659,4	3 498,2	51 161,2
2031	72 467,4	73,9	53 553,4	3 427,4	50 126
2032	70 676,9	74,1	52 371,6	3 351,8	49 019,8
2033	68 899,1	74,4	51 260,9	3 280,7	47 980,2
2034	67 125,9	74,7	50 143	3 209,2	46 933,9
2035	65 357,1	74,9	48 952,4	3 133	45 819,5

Источник: авторская разработка по данным Росстата

Source: Authoring, based on the FSSS data

Таблица 2

Взносы в систему ИПК в 2019–2035 гг.

Table 2

Contributions to the Individual Pension Capital (IPC) system in 2019–2035

Год	Тариф отчислений в корпоративные пенсионные программы, %	Сумма взносов в систему ИПК, млрд руб., при охвате	
		30% работников	50% работников
2019	1	111,75	186,25
2020	2	234,22	390,37
2021	3	366,99	611,65
2022	4	507,48	845,81
2023	5	656,02	1 093,37
2024	6	809,81	1 349,68
2025	6	829,7	1 382,84
2026	6	849,92	1 416,53
2027	6	868,64	1 447,73
2028	6	885,86	1 476,44
2029	6	900,38	1 500,63
2030	6	914,62	1 524,37
2031	6	927,12	1 545,19
2032	6	936,97	1 561,61
2033	6	946,77	1 577,95
2034	6	955,14	1 591,91
2035	6	960,8	1 601,33

Источник: авторская разработка по данным Росстата

Source: Authoring, based on the FSSS data

Рисунок 1

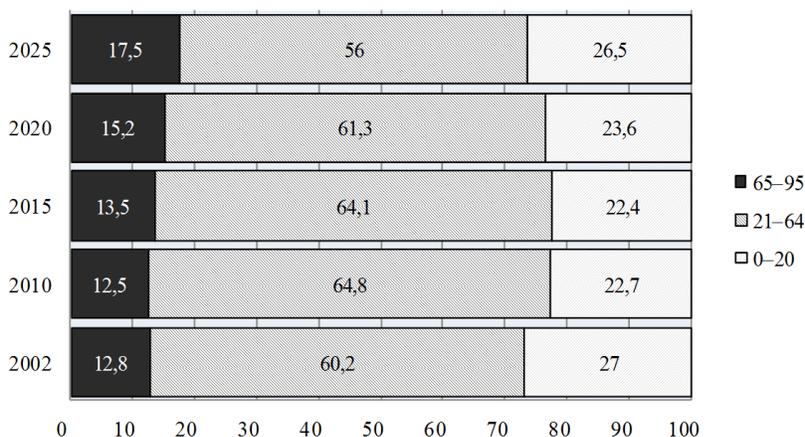
Возрастная структура населения России по данным переписей населения 2002, 2010 и 2015 гг.

Оценка изменения возрастной структуры на 2020 и 2025 гг., %

Figure 1

Age structure of Russia's population according to the population censuses of 2002, 2010, and 2015.

Assessment of changes in the age structure for 2020 and 2025, percent

Источник: авторская разработка по данным Росстата

Source: Authoring, based on the FSSS data

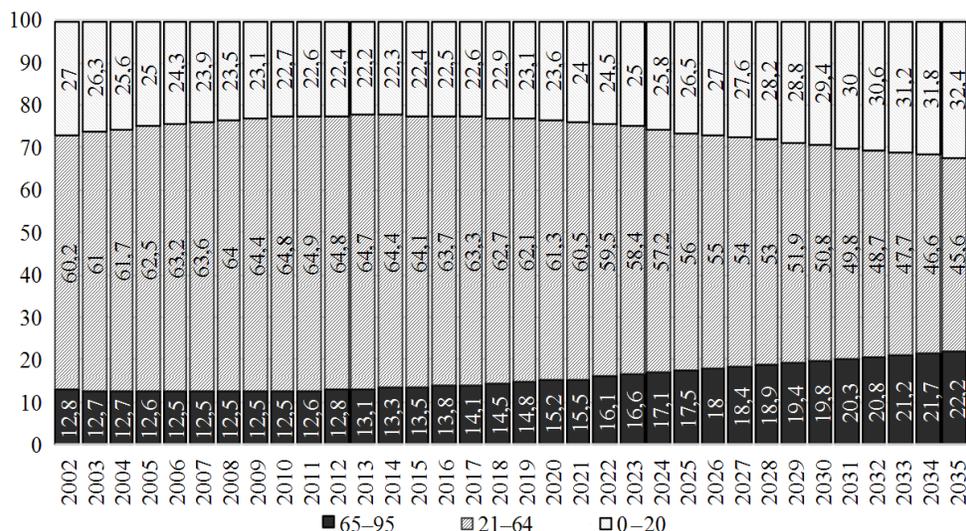
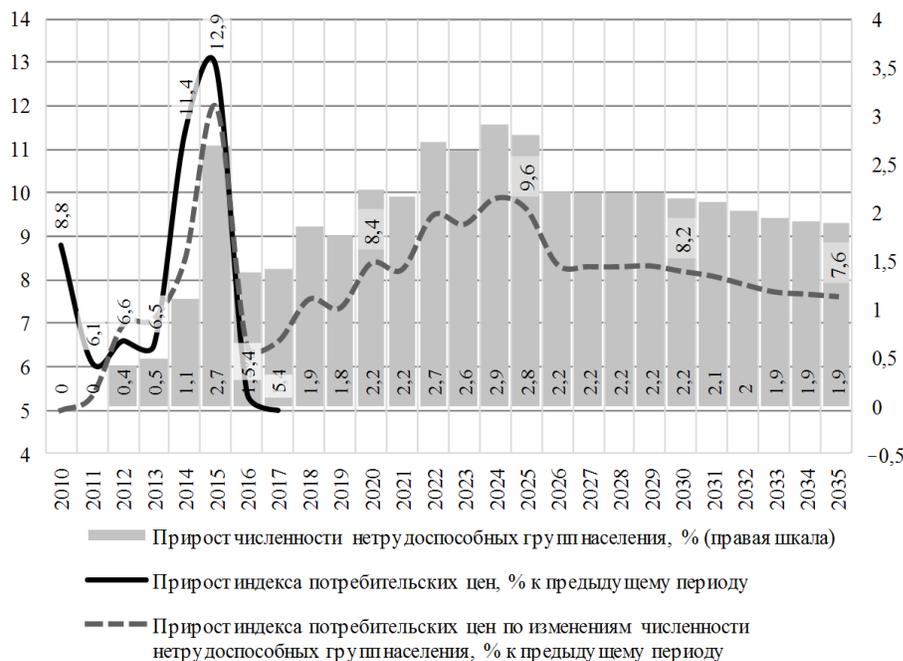
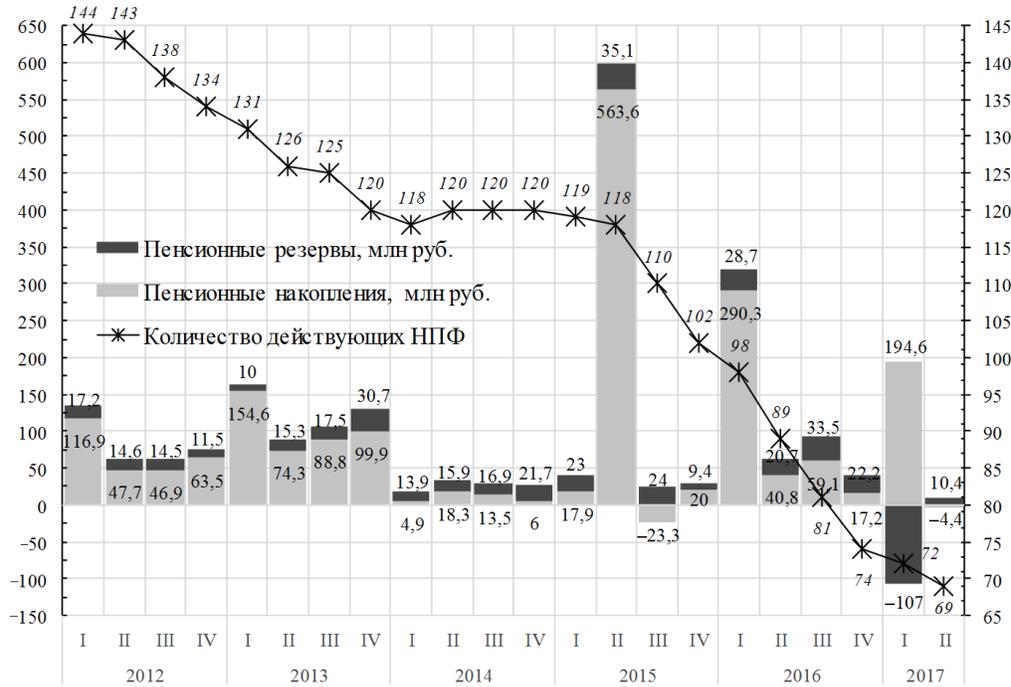
Рисунок 2**Демографические тенденции в России до 2035 г., %****Figure 2****Demographic trends in Russia till 2035, percent***Источник:* авторская разработка по данным Росстата*Source:* Authoring, based on the FSSS data**Рисунок 3****Инфляция и динамика численности нетрудоспособного населения в России за 2010–2016 гг.****Оценка для периода 2017–2035 гг., %****Figure 3****Inflation rates and the changes in the incapable population in Russia in 2010–2016. Estimate for 2017–2035, percent***Источник:* авторская разработка по данным Росстата*Source:* Authoring, based on the FSSS data

Рисунок 4

Абсолютный прирост основных показателей деятельности НПФ за 2012–2017 гг.

Figure 4

Absolute growths of the performance of non-State pension funds in 2012–2017

Источник: составлено авторами

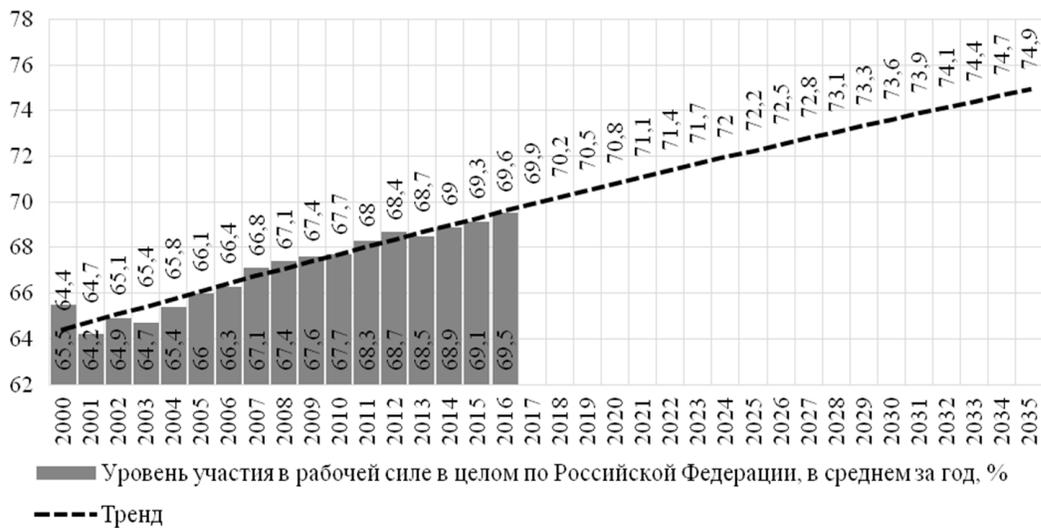
Source: Authoring

Рисунок 5

Уровень участия в рабочей силе в 2000–2035 гг.

Figure 5

The level of labor force participation in 2000–2035

Источник: авторская разработка по данным Росстата

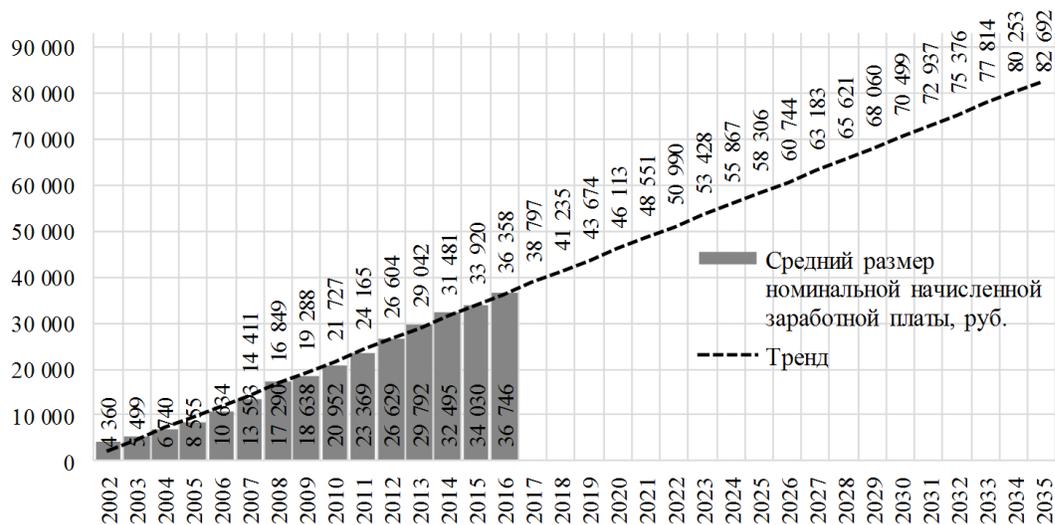
Source: Authoring, based on the FSSS data

Рисунок 6

Размер номинальной начисленной заработной платы в 2002–2035 гг.

Figure 6

Nominal payroll rate in 2002–2035

Источник: авторская разработка по данным Росстата

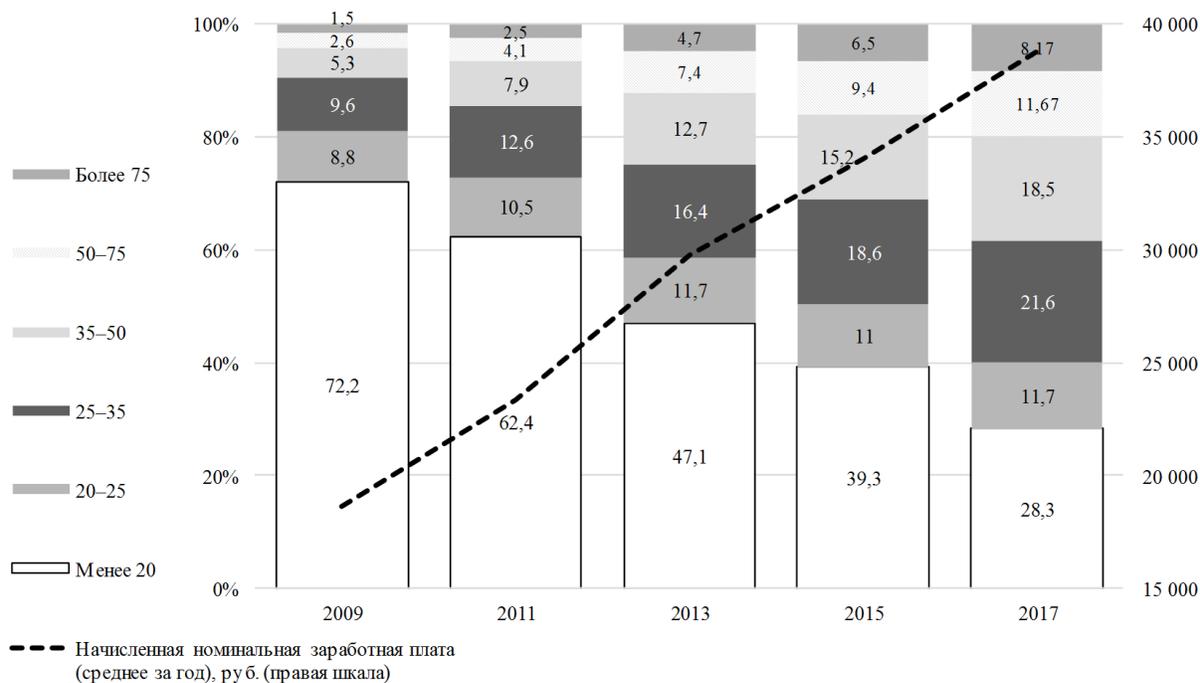
Source: Authoring, based on the FSSS data

Рисунок 7

Структура заработной платы с 2009 г. по III квартал 2017 гг.

Figure 7

Salary structure from 2009 to the 3rd quarter of 2017

Источник: авторская разработка по данным Росстата

Source: Authoring, based on the FSSS data

Список литературы

1. Шмиголь Н.С. Зарубежный опыт стимулирования участия населения в добровольных накопительных пенсионных системах и возможности его применения в России // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т. 9. № 6. С. 57–67.
URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2016%20№6.pdf>
2. Орлова И.Ю. На старте очередной пенсионной реформы // Социально-политические науки. 2012. № 4. С. 90–97.
3. Куликов Н.И., Вдовина Е.С. Пенсионная реформа в России: вчера, сегодня, завтра // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 9. С. 2–11.
4. Ongena S., Zalewska A. Institutional and Individual Investors: Saving for Old Age. *Journal of Banking & Finance*, 2017, September, pp. 1–38. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2017.10.012>
5. Cadonia M., Melis R., Trudda A. Pension Funds Rules: Paradoxes in Risk Control. *Finance Research Letters*, 2017, August, vol. 22, pp. 20–29. URL: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2017.05.003>
6. Туманянц К.А., Антоненко И.В. и др. Инвестирование пенсионных накоплений: государство или бизнес? // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 1. С. 91–102. URL: http://www.nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2017/1/fm_2017_1.pdf
7. Montizaan R., de Grip A., Cörvers F., Dohmen T. The Impact of Negatively Reciprocal Inclinations on Worker Behavior: Evidence from a Retrenchment of Pension Rights. *Management Science*, 2016, vol. 62, iss. 3, pp. 668–681. URL: <http://dx.doi.org/10.1287/mnsc.2015.2157>
8. Бурденко В.А., Павлюченко В.Г. Об очередной пенсионной реформе // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 4. С. 60–66.
URL: <http://www.vcugjournal.ru/images/docs/2016/4/burdenko.PDF>
9. Лавренова Е.С., Беломытцева О.С. Эффективность управления пенсионными накоплениями в негосударственных пенсионных фондах // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 3. С. 115–125.
URL: http://www.nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2016/3/fm_2016_3.pdf
10. Пудова Д.О. Накопительные системы пенсионного сбережения: опыт Нидерландов, Дании и Швеции // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 11. С. 2152–2165. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.11.2152>
11. Bussolo M., Schotte S., Matytsin M. Accounting for the Bias Against the Life-Cycle Hypothesis in Survey Data: An example for Russia. *The Journal of the Economics of Ageing*, 2017, June, vol. 9, pp. 185–207. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2017.03.001>
12. Бундин М.А. Разнообразие монетарных методов воздействия на немонетарную инфляцию // Банковское дело. 2015. № 12. С. 17–23.
13. Бундин М.А. Параметры эмиссии ОФЗ-ИН с учетом ожидаемой инфляции // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 44. С. 14–27.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parametry-emissii-ofz-in-s-uchetom-ozhidaemoy-inflyatsii>
14. Марьясин М.Ш. Проблемы методического обеспечения таргетирования инфляции в российской экономике // Деньги и кредит. 2001. № 5. С. 64–70.

15. King R., Levine R. Finance and Growth: Schumpeter Might Be Right. *Quarterly Journal of Economics*, 1993, vol. 108, iss. 3, pp. 717–737. URL: <https://www.isid.ac.in/~tridip/Teaching/DevEco/Readings/07Finance/05King&Levine-QJE1993.pdf>
16. Rajan R., Zingales L. Financial Dependence and Growth. *The American Economic Review*, 1998, vol. 88, iss. 3, pp. 559–586.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке информации, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

INDIVIDUAL PENSION CAPITAL: PROSPECTS OF IMPLEMENTING**Maxim A. BUNDIN**Financial Research Institute of Ministry of Finance of Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
bundin@nifi.ru**Article history:**Received 1 November 2017
Received in revised form
1 December 2017
Accepted 4 December 2017
Available online
14 December 2017**Abstract****Importance** The paper examines the Russian pension system. Individual pension capital is an alternative direction to the current system of non-State pension funding.**Objectives** The author is to consider the embedding of the individual pension capital concept. He also aims at analyzing the advantages and disadvantages of the concept.**Methods** The study uses the correlation-regression analysis and the analysis of the research information base on the surveyed topic.**Results** The article allows acknowledging the dependence between the expansion of the incapacitated group of citizens and the consumer price index growth. Besides, it allows to determine the main risks of the proposed concept.**Conclusions and Relevance** The main internal risks of the proposed pension reform include: a massive refusal to participate in the new system; the decreasing of participants' contributions tariffs to funds up to 0.1 percent; high-level costs (for funds).**JEL classification:** H50, H55,
J11**Keywords:** individual
pensionable capital,
macroeconomics, demography,
forecast, wages

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2017

Please cite this article as: Bundin M.A. Individual Pension Capital: Prospects of Implementing. *Financial Analytics: Science and Experience*, 2017, vol. 10, iss. 12, pp. 1424–1440.
<https://doi.org/10.24891/fa.10.12.1424>**Acknowledgments**The article was implemented within the framework of Strategy for long-term development of the Pension system of the Russian Federation approved by Decree of the Government of the Russian Federation of December 25, 2012 № 2524-p, on *Analysis of International Experience in the Use of Legal and Organizational Mechanisms for Involving the Population in Quasi-Mandatory Pension Plans*.**References**

1. Shmigol' N.S. [Foreign Experience of Stimulating People's Participation in Voluntary Funded Pension Systems and Prospects of its Application in Russia]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2016, vol. 9, iss. 6, pp. 57–67.
URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2016%20№6.pdf> (In Russ.)
2. Orlova I.Yu. [Start of upcoming pension reform]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*, 2012, no. 4, pp. 90–97. (In Russ.)
3. Kulikov N.I., Vdovina E.S. [The pension reform in Russia: yesterday, today, tomorrow]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2016, no. 9, pp. 2–11. (In Russ.)
4. Ongena S., Zalewska A. Institutional and Individual Investors: Saving for Old Age. *Journal of Banking & Finance*, 2017, September, pp. 1–38.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2017.10.012>

5. Cadonia M., Melis R., Trudda A. Pension Funds Rules: Paradoxes in Risk Control. *Finance Research Letters*, 2017, August, vol. 22, pp. 20–29. URL: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2017.05.003>
6. Tumanyants K.A., Antonenko I.V. et al. [Pension Savings Investments: Government or Private Sector?]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Journal*, 2017, no. 1, pp. 91–102.
URL: http://www.nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2017/1/fm_2017_1.pdf (In Russ.)
7. Montizaan R., de Grip A., Cörvers F. et al. The Impact of Negatively Reciprocal Inclinations on Worker Behavior: Evidence from a Retrenchment of Pension Rights. *Management Science*, 2016, vol. 62, iss. 3, pp. 668–681. URL: <http://dx.doi.org/10.1287/mnsc.2015.2157>
8. Burdenko V.A., Pavlyuchenko V.G. [The next pension reform]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Level of Life of the Population of Region of Russia*, 2016, no. 4, pp. 60–66.
URL: <http://www.vcugjournal.ru/images/docs/2016/4/burdenko.PDF> (In Russ.)
9. Lavrenova E.S., Belomytseva O.S. [Efficiency of Pension Accruals Management in Non-State Pension Funds]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Journal*, 2016, no. 3, pp. 115–125.
URL: http://www.nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2016/3/fm_2016_3.pdf (In Russ.)
10. Pudova D.O. [Funded pension systems: Evidence from the Netherlands, Denmark, and Sweden]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2017, vol. 13, iss. 11, pp. 2152–2165. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.11.2152>
11. Bussolo M., Schotte S., Matytsin M. Accounting for the Bias Against the Life-Cycle Hypothesis in Survey Data: An example for Russia. *The Journal of the Economics of Ageing*, 2017, June, vol. 9, pp. 185–207. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2017.03.001>
12. Bundin M.A. [A variety of techniques to influence non-monetary policies]. *Bankovskoe delo = Banking*, 2015, no. 12, pp. 17–23. (In Russ.)
13. Bundin M.A. [Issue of index-linked federal loan bonds in line with expected inflation: Some aspects]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2016, no. 44, pp. 14–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parametry-emissii-ofz-in-s-uchetom-ozhidaemoy-inflyatsii> (In Russ.)
14. Mar'yasin M.Sh. [The issues on methodological supply of inflation targeting in Russian economy]. *Den'gi i kredit = Money and Credit*, 2001, no. 5, pp. 64–70. (In Russ.)
15. King R., Levine R. Finance and Growth: Schumpeter Might Be Right. *Quarterly Journal of Economics*, 1993, vol. 108, iss. 3, pp. 717–737.
URL: <https://www.isid.ac.in/~tridip/Teaching/DevEco/Readings/07Finance/05King&Levine-QJE1993.pdf>
16. Rajan R., Zingales L. Financial Dependence and Growth. *The American Economic Review*, 1998, vol. 88, iss. 3, pp. 559–586.

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.